
**ТЕМА НОМЕРА:
«ГОРИЗОНТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ»**

DOI: [10.17805/ggz.2020.1.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.1)

**Субъектность молодежи в процессах
социализации и инкультурации**

В. А. Луков, С. В. Луков

Московский гуманитарный университет

В статье показано, что социокультурная субъектность молодежи может анализироваться в теоретическом аспекте в ключе процессов социализации и инкультурации. Однако эмпирические исследования молодежи расширяют рамки такого понимания ее субъектности и адекватно представлены на основе применения тезаурусного подхода.

Ключевые слова: молодежь; социокультурная субъектность; социализация; инкультурация; тезаурусный подход; тезаурусная концепция молодежи

**Youth's Subjectivity in
Socialization and Inculturation Processes**

V. A. Lukov, S. V. Lukov

Moscow University for the Humanities

The article demonstrates that the sociocultural subjectivity of young people can be theoretically analyzed in the sense of socialization and inculturation processes. However, empirical youth studies broaden the scope of such understanding of youth's subjectivity and they are adequately presented in terms of the application of the thesaurus approach.

Keywords: youth; sociocultural subjectivity; socialization; inculturation; thesaurus approach; thesaurus conception of youth

ВВЕДЕНИЕ

В первые десятилетия XXI в. все более определенно в экономике, политике, культурной и духовной сферах ведущих стран и стран, стремящихся стать вровень с ними, проявляется феномен молодежи. Этот феномен за прошедший век существенно изменился: молодежь стала заметным носителем общественных отношений, соответствующих модификациям и коренной перестройке способов производства, трансформациям повседневного взаи-

модействия людей. Решительно преобразовалась и общественная среда, в которой формируется молодежь. Общество из инструмента сохранения, освящения и приемлемого использования социальной дифференциации и неравенства составляющих его людей, поддержания в соответствии с достигнутым способом производства социальной солидарности, передачи из поколения в поколение образцов, по которым строятся как актуальные эталоны основных сфер жизни, так и практики социализации в аспекте направленности этих эталонов в будущее, формирующие для этого схемы смены и преемственности поколений, — становится полем непредсказуемых действий, глобализации не только в экономике, но и культуре, инноваций, которые осуществляются вне пространства и времени, вне государственных границ, вне веками освященных культурных кодов и духовных основ. Культурная идентификация молодежи все более определенно утверждается как одна из основ национальной безопасности, а нерешенные вопросы в этой области — как соответствующие риски и вызовы, способные подрывать национальную безопасность «мирным» путем (технологии цветных революций, защиты прав человека, преодоление экологических нарушений, развитие студенческих обменов, профессионального и образовательного туризма, установление единых правил образовательного процесса, научных публикаций и т. д.).

Такие перемены в отношении к молодежи, ее понимании как субъекта социального действия, изменении статусно-ролевого предназначения молодежи в общественной жизни, наблюдались и раньше. Но этот взгляд не был доминирующим, его фрагменты, особенно в переходные эпохи, лишь оттеняли традиционный патернализм. Но в современном обществе (обозначаемом как постиндустриальное, информационное, сетевое, индивидуальное, «общество знаний», «общество риска» и т. д.) он выражает ведущую тенденцию, характерен для социальных практик подавляющего большинства стран мира, опирается на высокую социальную и культурную мобильность молодежи в мире.

Актуальность проблемы возрастающего влияния молодежи на общественное устройство и социальную жизнь определили цель и задачи данной статьи: в ней осмысливается субъектность молодежи, в аспекте ее влияния на перемены в обществе. Процессы для исследования определены в соответствии с проектом, который стал основным для Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ.

СОЦИАЛЬНАЯ (СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ) СУБЪЕКТНОСТЬ

В 2019 г. к числу приоритетных направлений научно-исследовательских работ Московского гуманитарного университета было отнесено такое:

«Молодежь и молодежная политика в России». В нем выделен проект «Субъектность молодежи в процессах социализации, инкультурации, образования» — единственный в стране проект, который в предметной области выдвигает на передний план проблематику субъектности молодежи, развивая идеи научной школы молодежных исследований, сложившейся в МосГУ (Ковалева, Луков, Перинская, 2016; Ковалева и др., 2018). Проект исходит из цели систематизировать новые и обновленные социокультурные основания субъектности молодежи в связи с обстоятельствами современной России (изменение социального строя, социально-классовой структуры, цифровизация, динамика ценностных ориентаций, оценка исторического прошлого, в особенности Великой Отечественной войны, трансформация системы образования и т. д.) и для дальнейшего теоретико-методологического развития тезаурусной концепции молодежи.

Таким образом, в основе проекта стоит понятие субъектности молодежи. Его интерпретация и показывает, каким образом будет вестись увязка структурирования реальности с тем, как она влияет на молодежь и как молодежь влияет на нее.

В общем виде толкование субъектности восходит к двум смыслам этой категории. Один связывается с трактовкой И. Кантом личности как свойства человека (причем, любого — «всякого другого», опирающегося на универсальные законы практического разума) быть субъектом своих поступков (Кант, 1997: 169). На этот атрибут личности обращает внимание Н. С. Плотников (Плотников, 2008), выделяя его первым среди трех (автономия, идентичность, индивидуальность). Субъектность, таким образом, идентична представлению человека «субъектом свободы». Такое понимание субъектности недостаточно понято, оно — даже со ссылкой на указанную статью — нередко трактуется как субъективность (Иванов, 2014: 71).

Второй смысл открывается в юридическом понятии «правосубъектность». Оно обозначает способность лиц быть носителями юридических прав и обязанностей. Правосубъектность в общей теории права разделяется на правоспособность, которая осмысливается как способность обладания правами и несения обязанностей, и дееспособность, трактуемую как способность к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей (Алексеев, 1982: 139, 146). Такая трактовка правосубъектности соответствует представлению о социальной (социокультурной) субъектности, которая имеет те же две стороны: 1) обладание субъектом социально обусловленными возможностями к социальной и культурной деятельности; 2) способность к ее самостоятельному осуществлению.

Соединение философского понятия субъектности, в неокантианстве определившего выделение гуманитарных наук на основе значимого для че-

ловека, в отличие от присущего естественным наукам выделения через общее для природных объектов и в этом отношении не связанного с ценностным строем человеческого восприятия мира (Луков, 2017: Электронный ресурс), и юридического понятия правосубъектности установило границы социального конструирования реальности. Если исходить из соответствующей концепции П. Бергера и Т. Лукмана, то в ее духе следует понимать и социализацию, а также и идентификацию как социокультурное явление (Бергер, Лукман, 1995).

Таким образом, под *социальной (социокультурной) субъектностью* понимается *способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности* (Луков, 1987: 35–37; Ковалева, Луков, 1999: 146–148). Это свойство принимать решения и действовать, опираясь на культурные картины мира, сформировавшиеся под воздействием бесчисленных и разнонаправленных социализационных влияний, устоявшихся в определенных кругах представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Иными словами, под социальной (социокультурной) субъектностью следует понимать способность к проявлению самостоятельной инициативы в социуме; эта осваиваемая способность, с одной стороны, обусловлена наличием конкретной цели, соответствующей мотивацией, развитым механизмом саморегуляции, осознанием своей роли и ответственности, а также наличием осознанной позитивной жизненной стратегии, с другой — противоречиво встречается приобретшими эту способность в виде жизненного опыта и соответствующего ему нормативно-ценностного сопровождения старшими поколениями.

Когда мы говорим о социокультурной субъектности, то специально подчеркиваем культурный контекст социального. Но в принципе это один и тот же феномен, поскольку социальное только в абстракции, нужной для аналитических целей, есть нечто единое, в реальности же оно неразрывно со своими культурными контекстами, порой очень разными.

СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Субъектность молодежи составляет некое подобие субъективности и, значит, выстраивает ее смысл через противопоставление объективности и субъективности. Собственно, о субъектности молодежи можно судить, поставив ее в социальный и культурный контекст, т. е. не искать ее сущность в индивидуальности молодого человека, изучаемого возрастной психологией. Хотя личностный аспект (т. е. аспект, определяющий социальность) здесь очень важен: самореализация личности, по сути, и есть достижение социальной субъектности в ее развитом виде. В аспекте социальности и выбора куль-

турных предпочтений правильнее говорить о социальной (социокультурной) субъектности молодежи.

Социальная субъектность как способность общества или любой его части быть инициатором сохранения либо изменения социальной реальности по своему замыслу обладает дифференциацией по полу, возрасту, особенностям организации, а можно еще прибавить «триаду» М. Вебера (богатство — престиж — власть) такого инициатора (инициаторов). Для молодежи это — то же свойство, хотя в своем источнике и своих проявлениях оно может не совпадать с дифференциацией старших поколений не только в степени выраженности тех или иных отличительных черт, но и в самом наборе дифференцирующих признаков. Но вновь повторим: это то же свойство, активность выраженности которого обнаруживает себя в воспроизводстве и обновлении общественных отношений, в социальном конструировании и проектировании реальности, включая ее ценностно-нормативную сферу, в различных формах социальной деятельности. Она находит отражение и закрепляется различными формами социальной идентификации (Луков, 2018: 317–318).

Тогда в чем же заключается необходимость добавления к определению социальной или социокультурной субъектности слова «молодежь» в избранном направлении теоретического, а как потом будет ясно, и эмпирического исследования? Иначе говоря, в чем же состоит специфика социальной субъектности, когда ее рассматривают как свойство, присущее молодежи или осваиваемое ею? По нашему мнению, субъектность и генетически, и системно не может быть выявлена и интерпретирована вне объективных оснований. Но для молодежи специфично именно то, что интериоризация ею объективных условий жизнедеятельности становится способом присвоения социальной (социокультурной) субъектности. Вот почему весь социализационный процесс может быть успешно показан в отношении молодежи через осваиваемую ею социальную (социокультурную) субъектность. Здесь найдет место и его институциональная характеристика, и границы легитимности действия. В то же время не будет утерян важнейший связанный с личностью инструмент всего процесса социализации — идентификация. В таком случае переходный характер молодости, на который обращают внимание все исследователи, начиная, по крайней мере, с Ж.-Ж. Руссо, может быть, во-первых, увязан с социальными обстоятельствами (освоение все большей меры социальной субъектности, движение от преимущественно объектных к преимущественно субъектным стратегиям жизнеосуществления), а, во-вторых, разрешен не только на уровне принципа, но и на уровне механизмов.

Переходность в области объектно-субъектных отношений выражает существенные признаки молодежи, характер ее социальности. Логично признать, что поскольку приобретаемым качеством является социальная (социокуль-

турная) субъектность, то ее мера и выступит сущностным показателем молодежи. Переходность как сущность молодежи есть то онтологическое основание, которое единственно и позволяет ее выделять в различных обществах, относительно ограниченных сообществах, социальных группах — вплоть до малых — как некоторую целостность. В этом плане молодость (свойство возраста) институционализируется, приобретая социально-статусные и ролевые конфигурации, знаковую атрибуцию, специфику деятельности и организации. Ценность молодости — аксиологическое отношение, свойственное определенным культурным системам, которое позволяет удерживать онтологическую специфику молодежи на феноменальном уровне.

В этом направлении (обретение социальной, социокультурной субъектности) на практике порождаются ожидания общества от молодежи. Соответственно, актуальны и отражения нового положения молодежи на теоретическом уровне, прежде всего в субъектно-ориентированных социологических концепциях.

ПРОЛЕГОМЭНЫ ТЕЗАУРУСНОЙ КОНЦЕПЦИИ МОЛОДЕЖИ

Одной из субъектно-ориентированных социологических концепций является тезаурусная концепция молодежи, развивающая применительно к этой социальной группе тезаурусный подход (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013; Луков, 2019).

Что такое тезаурус с точки зрения тезаурусного подхода? Это полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни (Луков В., Луков Вл., 2013: 3). Тезаурусы представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание (там же).

Исходя из этого и строится тезаурусная концепция молодежи. В ней молодежь трактуется как социальная общность, ведущим признаком которой является освоение социокультурной субъектности. Люди, составляющие эту общность, имеют:

- социальный статус и идентифицируют себя с молодежью, а также их признают за молодежь другие субъекты социокультурной деятельности;
- тезаурусы (ориентационные и сверхориентационные ментальные комплексы), распространенные в этой социальной общности;
- соответствующий этой социокультурной общности символический и предметный мир.

Иначе говоря, молодежь в данном аспекте — это не только некая совокупность людей определенного возраста. Продолжая линию П. А. Сорокина в его трактовке социокультурных явлений, мы в само понятие молодежи включаем присущие ей тезаурусы и те важные результаты ее духовной и материальной деятельности, которые определяют распространенные в ее среде культурные картины мира. В наше время цифровизация определяет особую роль молодого поколения в социальном развитии общества в этом направлении и, соответственно, обновлении культурных картин мира (Кузнецова, 2020). Но это нелинейный процесс, и исследование отношения разных возрастных групп к цифровизации показывает, что на фоне очевидной лучшей готовности молодежи к внедрению цифровых технологий лишь около трети молодых поддерживают соответствующие действия власти (Луков В., Луков С., 2020).

Основными положениями тезаурусной концепции молодежи являются:

- выделение освоения и присвоения социокультурной субъектности в качестве *differencia specifica* молодежи;
- необходимость создания нового знания для успешной ориентации в окружающей среде в условиях неполного освоения молодежью социокультурных знаний, социальных и культурных практик и институтов, присущих данному социокультурному типу общества, умения адаптироваться к их ценностно-нормативным системам и изменять их в соответствии с культурными картинами мира;
- трактовка механизмов такого неполного освоения, которыми выступают: а) динамично изменяющиеся конструирование и проектирование социальной реальности; б) совмещение нескольких тезаурусных генерализаций; в) выбор одной из них, подходящей в данных обстоятельствах; г) достраивание реальности; д) реструктурирование условий среды;
- дифференциация новационных свойств, инновационного потенциала и инновационных возможностей молодежи.

Тезаурус, если исходить из выше представленного определения, сочетает в себе комплекс ориентационных знаний, понимания, умений, важных для жизни в данном обществе, а также и творческих замыслов и их реализаций в самых разных сферах жизнедеятельности, которые не вытекают напрямую из задач ориентации в сложившихся жизненных обстоятельствах, но направлены на их развитие и улучшение в интересах субъекта деятельности. Мы называем такое свойство субъекта свехориентацией, поскольку оно все же своим основанием имеет ориентационную потребность, базируется на ней, но преодолевает ее через творчество, новацию.

Ориентация и свехориентация, конструируя социальную реальность в равной мере, обеспечивают приспособление социального субъекта к среде и

изменение ее в своих интересах. Эти интересы осознаются как верные, независимо от их действительного содержания. Опираясь на тезаурус, социальный субъект сам изменяется, осваивая и формируя образ должного.

К основным факторам конструирования тезаурусов в тезаурусной концепции молодежи отнесены гендерный, возрастной, статусно-ролевой, культурный факторы, факторы образования, образа и стиля жизни. Эти факторы придают своеобразие культурным картинам мира, но структура тезауруса при этом сохраняет свои опорные черты. Она строится на первоэлементах «свой», «чужой» при блокировании или критике первоэлемента «чуждый», обеспечивает относительную константность субъекта в разнообразных социальных и культурных связях и действиях. В соответствии с ценностями субъекта и принятой им культурной картиной мира его тезаурус проявляет свойства функциональной системы, обеспечивая жизнеспособность целого. Суть процесса хорошо проясняет теория функциональных систем П. К. Анохина — К. В. Судакова, разработанная применительно к физиологии, но показывающая свои преимущества и в других областях знания, в частности, в тезаурусном подходе (Луков, 2014).

Тезаурусы оседают в пластах культуры и способны периодически актуализироваться в режиме мерцания. В таких формах проявляются свойства тезауруса, их полярность (целостность — мозаичность; устойчивость — изменчивость; расширяемость — сжимаемость; фрактальность — событийность). В актуальной ситуации активизируется композиция из концептов (Луков, 2010), тезаурусных конструкций, эталонных событий (Завьялова, 2016), культурных констант (Гайдин, 2011) и т. п., составляющая тезаурусную генерализацию.

Как одна из субъектно-ориентированных социологических теорий тезаурусная теория выдвигает на передний план социальную (социокультурную) субъектность в качестве активной и автономной от других социальных и культурных факторов роли человека и его контактных и неконтактных общностей в сохранении и преобразовании общества в его конкретно-исторической форме, чем и определяется область применения тезаурусного подхода в социологии, в том числе в социологии молодежи и социологии культуры. В этом аспекте становится вполне ясным то, что социокультурная субъектность молодежи выделяется как основное приобретаемое ею свойство, преодоление неполноты которого составляет суть ее самореализации в обществе и отношения других возрастных групп к ней. Происходит и смещение исследовательского интереса к различным фрагментам и структурам тезауруса, когда он соединяется со спецификой молодежи. Так, «свое — чужое — чуждое» как первоэлементы тезауруса отличаются в молодежной среде и могут быть изучены социологией культуры через анализ ценностных ориен-

таций, идентичностей и инновационной активности молодежи, включая, прежде всего, коллективные формы молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности). Социальная субъектность и генетически, и системно не может быть выявлена и интерпретирована вне ее объективных оснований — социально-экономических, культурных, политических условий, образе и стиле жизни, ценностно-нормативной системы и др. Эти объективные основания выступают как рамка достижимого уровня субъектности, в том числе и применительно к молодежи.

Из понимания молодежи на основе данной концепции появляется возможность поставить свойство ее субъектности в контекст социализации и инкультурации как процессов, имеющих место в разные времена и в различных типах общества. Следовательно, и в современном российском обществе.

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ИНКУЛЬТУРАЦИИ: АСПЕКТ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Теоретическая рамка такого контекста определяется смыслом социализации и инкультурации, который нередко делает эти процессы неразличимыми и связанными разве что с тем, что первое отнесено к характеристикам культуры, а второе — цивилизации (Лескова, 2008). В социологическом аспекте социализация в отечественных гуманитарных и социальных науках начинает активно разрабатываться в конце 1990-х гг., до этого встречаясь главным образом в русле социальной психологии (Г. М. Андреева, И. С. Кон, С. Н. Иконникова) и педагогики (А. В. Мудрик). Критика термина «социализация» шла в советских общественных и гуманитарных науках по линии противопоставления его термину «коммунистическое воспитание» и в молодежном аспекте социализация как термин до определенного времени была неприменима. Само же понятие социализации исходило из того, что это обширный процесс, где сознательную, управляемую и направляемую часть составляло воспитание, а другие части были менее значимы (социализирующее влияние «улицы» и т. п.). Представление о «гармоничном» включении в общество как признак социализации встречается и в современной литературе (Галич, 2018: Электронный ресурс), напоминая голоса из ушедшего прошлого, где социализация могла быть только успешной, нужной для общества. В более реалистичной форме социализация понимается как двусторонний процесс постоянной передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе (Ковалева, 2008: 442). Можно уточнить, что на место абстрактного «общества» надо бы поставить «социальные общности», тогда данная формула была бы применимой и к девиантным общностям, которые тоже ждут от индивида освоения

соответствующих норм и принятых этими общностями ценностей, что в их рамках и есть успешная социализация.

Расширенное понимание термина «социализация» свидетельствует, что он отвечает определенным потребностям современного этапа осмысления общества и путей его развития. В собственно научном плане это отражает исходную междисциплинарность исследований социализации, поскольку сам процесс становления человека в обществе не может быть сведен к каким-то отдельным аспектам, будь то педагогическим, психологическим, социальным, культурным и т. д. (Ковалева, Луков, 2012). В этом смысле правильнее говорить не о процессе, а о процессах социализации, не стремясь, таким образом, сводить разные по существу, по-разному отражающие целое (способствующие развитию общества или мешающие этому), имеющие свои специфические формы освоения (язык, знаки, принятые правила и т. д.) пути к принятию общества или дистанцированию от него, уход в девиацию как нечто связанное, единое и гармоничное.

В контексте процессов так понимаемой социализации внутренне дифференцированной предстает и субъектность молодежи.

Этот же подход применим и к проявлениям субъектности молодежи в инкультурации.

До определенного времени инкультурация в содержании термина, который ему был придан М. Дж. Херсковичем еще в 1948 г. (Herskovits, 1948 ab), был вполне приемлем, отражая, с одной стороны, реалии культуры США, а с другой — позиции культурного релятивизма, считающего, что расизм отражает не биологическую, а социальную концепцию человеческих различий (Greenberg, 1971). Но во времена массовых миграций населения воюющих стран Востока в благополучную Западную Европу социализацию и инкультурацию необходимо понимать иначе, в их несводимости одна к другой. В этом ином понимании она многое проясняет и в социологии и культурологии молодежи.

Разница в том, что социализация в ситуации миграций может вовсе не предполагать инкультурацию, какой ее видел антрополог-африканист Херскович, а именно показывая, как привезенных из Африки рабов-негров насильно заставляли осваивать американскую культуру. Выходцы из Африки оставляли в ней и свои следы (добавляя «свою» культуру в *melting pot* — «плавильный котел», каковой символически выражал становление американской нации), но этот процесс шел латентно и проявил себя много позже в разных видах субкультур и искусства. Миграционные потоки времен мультикультурализма перебрались на новое место жительства, вполне социализировавшись в своем исходном обществе. Но инкультурацию в изменившейся среде обитания они не считают для себя необходимой, живут в своем

культурном мире, создавая для местного населения проблемы культурной совместимости.

Здесь есть параллель с инкультурацией молодых поколений. Освоение социальной (социокультурной) субъектности молодежи как раз и начинается с противостояния инкультурации. В некоторых обстоятельствах это неважный фактор, который может быть на периферии общественной жизни, а потому проигнорирован или не замечен. В других — он может выступать как угроза национальной безопасности. В третьих — может рассматриваться как фактор обновления общества, а молодежь — как основной носитель этого обновления.

Соответственно, сама социальная (социокультурная) субъектность молодежи может приобретать направленность и формы, отличающиеся от тех, которые программируются государственной властью для страны и народа (народов) на ближайшее или отдаленное будущее и распространяются в правительственных СМИ.

Характерен пример современной России, где в ситуации идейного плюрализма и противодействия основных политических сил все же с начала 2000-х гг. обнаруживается некоторая последовательность государственного курса. Однако он лишь частично реализован в молодежной субъектности даже в тех направлениях, которые, казалось бы, предполагают опору на субъектность молодежи (цифровизация, курс на инновационность и т. д.).

На этом фоне в современном российском обществе социальная (социокультурная) субъектность молодежи основывается на:

1) противоречивом сочетании коллективизма советской эпохи и индивидуализма постсоветского периода;

2) большом разрыве образов и стилей жизни городской и сельской молодежи, молодежи, проживающей в мегаполисах и малых городах и поселениях, в культурных центрах и на периферии, чему соответствует и разрыв в реализации социальной субъектности в зависимости от достигнутого уровня развития территории в аспекте информационного общества (цифровой экономики и т. д.);

3) принципиальном сходстве конфигурации ценностных ориентаций в различных социальных и культурных средах российских территорий.

Этим определяется инновационный потенциал российской молодежи, который может реализовать ее новационные свойства в пределах того, насколько масштабны, концептуально и технологически обеспечены инновационные возможности молодежи. Различие таких возможностей (территориальное, культурное и т. д.), их амбивалентность и сочетаемость в них противоположных мотиваций лежат в основе временного проявления протестных

действий молодежи на низком уровне даже при накоплении протестного потенциала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации выстраивается, освоение общественной жизни идет по пути расширения зоны осознания и проявления субъектности, идущей от малых групп к высоким уровням народа, страны, человечества.

Эти непростые процессы нередко в данных социологических исследованиях представляются свидетельством примитивности значительной части молодежи, ее некультурности и просто глупости. Например, в исследовании ИФПИ 2020 г., проведенном в 12 регионах страны в студенческой среде и колледжах (где и следовало бы ожидать лучшего представления об истории и культуре России) встречаются противоречивые утверждения вроде пожелания — при возможности выбирать — родиться в той или иной стране мира. Лишь 34 % назвали Россию, зато 12,5 % хотели бы родиться в США, 6 % — в Канаде, чаще всего называются страны Западной Европы, иногда — Азии (2 % назвали Японию, но также фигурируют Китай, Таиланд, Индия и др.), есть Австралия, из стран Латинской Америки фигурирует Мексика, страны Африки вообще не представлены. Конечно, рассматривать список названных стран как жизненных ориентиров российской молодежи в этом случае было бы неверно, тем более что некоторые «места обетованные» иногда пишутся опрошенными с ошибками («Шведция», «Швецария» или страной называется Лондон и т. д.). Но зону напряженности в отношении России такие вопросы обозначают — и она относится к сферам освоения и проявления молодежью своей субъектности.

Также косвенно об этом свидетельствует и то, что в числе полководцев Великой Отечественной войны в том же исследовании называются Суворов, Кутузов, Багратион, даже Александр Невский, Дмитрий Донской, Пожарский, Потемкин, Нахимов, в общую кучу попали Ленин, Дзержинский, Троцкий, Колчак, Хрущев, Берия, Молотов, здесь же и Гитлер, Геббельс, Геринг, Муссолини, Паулюс, Черчилль, Рузвельт, есть фамилии и Космодемьянской, и Ельцина, и Шойгу, а четверть (23,3 %) вообще не смогли назвать никого. Такая смесь имен и историческое беспамятство возникает при анонии в обществе, которая охватывает систему власти, СМИ, систему образования, общественные науки. Но это не черта молодежи, тем более современной студенческой молодежи России. В других возрастных группах обнаружатся те же признаки смешений исторических деятелей. Жизненный опыт и соответствующие ему знания делают контрасты смешений менее очевидными, по-

этому необразованность приписывается в основном младшим возрастным группам.

Но надо бы в различиях мнений и знаний по многим вопросам истории страны и повседневности нынешнего времени увидеть зачатки той субъектности молодежи, которые в перспективе определяют, какие стороны социализации и инкультурации в новом обществе проявят свою жизнеспособность, а какие нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, С. С. (1982) Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература. Т. 2. 360 с.

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Academia-Центр; Медиум. 323 с.

Гайдин, Б. Н. (2011) Вечные образы как константы культуры: тезаурусный анализ «гамлетовского вопроса» : монография. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing. 212 с.

Галич, Л. П. (2018) Социальная динамика личности: активность и социализация : лекция [Электронный ресурс] // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. 29 сентября. URL: <https://bspu.by/blog/galich/article/lekcii/social-naya-dinamika-lichnosti-aktivnost-i-socializaciya> [архивировано в [WaybackMachine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 10.02.2020).

Завьялова, Н. А. (2016) Культурно-коммуникативное взаимодействие языковых универсалий современных цивилизаций (на примере Китая, Японии, России, Великобритании и США). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 351 с.

Иванов, А. А. (2014) Формирование дискурса субъективности в русской культуре 30–40-х годов XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (48) : в 3-х ч. Ч. II. С. 70–75.

Кант, И. (1997) Сочинения на нем. и рус. языках : [в 4 т.] М. : Моск. филос. фонд. Т. III: Основоположение к метафизике нравов. Критика практического разума. 784 с.

Ковалева, А. И. (2008) Социализация // Социология молодежи : энциклопедич. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. 606 с. С. 442–445.

Ковалева, А. И. (2018) Социология молодежи: научная школа Московского гуманитарного университета : в 2 ч. / А. И. Ковалева, В. А. Луков, В. А. Гневашева, С. В. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 2. 508 с.

Ковалева, А. И., Луков, В. А. (1999) Социология молодежи: теоретические вопросы. М. : Социум. 351 с.

Ковалева, А. И., Луков, В. А. (2012) Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания // Философия и культура. № 3 (51). С. 27–35.

Ковалева, А. И., Луков, В. А., Перинская, Н. А. (2016) Социология молодежи: научная школа Московского гуманитарного университета : в 2 ч. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Ч. 1. 442 с.

Кузнецова, Т. Ф. (2020) Цифровое общество, цифровая культура и гуманитаризация высшего образования: тезаурусный подход : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 192 с.

Лескова, И. В. (2008) Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. № 12 (52). С. 19–24.

Луков, В. А. (1987) Молодежное движение в социалистическом обществе: вопросы теории и практики. М. : Молодая гвардия. 222 с.

Луков, В. А. (2010) Молодежь как концепт: к продолжению дискуссий об основаниях теорий молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования : мат. Международной конференции : в 3 т. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УГТУ-УПИ. Т. 2. 354 с. С. 156–160.

Луков, В. А. (2014) Тезаурусный подход и теория функциональных систем // Управление мегаполисом. № 5 (41). С. 7–17.

Луков, В. А. (2017) Разделение наук о природе и наук о культуре в Баденской школе неокантианства и перспективы исследований молодежи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 5. С. 3–16. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/597> (дата обращения:10.02.2020). DOI: [10.17805/ggz.2017.5.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.1)

Луков, В. А. (2018) Тезаурусная социология : в 4 т. : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1. 608 с.

Луков, В. А. (2019) Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. 42 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, В. А., Луков, С. В. (2020) Цифровизация в России: человеческое измерение // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 92–100. DOI: [10.17805/zpu.2020.1.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2020.1.7)

Плотников, Н. С. (2008) От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. № 3 (91). С. 64–83.

Herskovits, M. J. (1948a) *Man and his works: The science of cultural anthropology*. N. Y. : Alfred A. Knopf. xviii, 678 p.

Herskovits, M. J. (1948b) The contribution of Afroamerican studies to Africanist research // *American Anthropologist*. New Series. Vol. 50. No. 1. Pt. 1. P. 1–10.

Greenberg, J. H. (1971) *Melville Jean Herskovits. 1895–1963: A biographical memoir*. Washington, D. C. : National Academy of Sciences. [65]–93 p. (Biographical memoirs, vol. 42, no. 4).

Дата поступления: 12.02.2020 г.

REFERENCES

Alekseev, S. S. (1982) *Obshchaia teoriia prava [General theory of law]* : in 2 vols. Moscow : Iuridicheskai literatura Publ. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).

Berger, P. and Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniia [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge]* / transl. from English by E. Rutkevich. Moscow : Academia-Tsentr Publ. ; Medium Publ. 323 p. (In Russ.).

Gaydin, B. N. (2011) *Vechnye obrazy kak konstanty kul'tury: tezaurusnyi analiz «gamletovskogo voprosa» [Eternal images as constants of culture: A thesaurus analysis of the “Hamlet’s question”]* : A monograph. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing. 212 p. (In Russ.).

Galich, L. P. (2018) *Sotsial'naia dinamika lichnosti: aktivnost' i sotsializatsiia : lektsiia [Social dynamics of the person: Activity and socialization : A lecture]*. *Belorusskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Maksima Tanka [Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University]*, September 29. [online] Available at: <https://bspu.by/blog/galich/article/lektsii/social-naya-dinamika-lichnosti-aktivnost-i-socializaciya> [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 10.02.2020).

Zavialova, N. A. (2016) *Kul'turno-kommunikativnoe vzaimodeistvie iazykovykh universalii sovremennykh tsivilizatsii (na primere Kitaia, Iaponii, Rossii, Velikobritanii i SShA) [Cultural and communicative interaction of linguistic universals of contemporary civilizations (The case of China, Japan, Russia, Great Britain and the USA)]*. Yekaterinburg : Ural University Publ. 351 p. (In Russ.).

Ivanov, A. A. (2014) *Formirovanie diskursa sub"ektivnosti v russkoi kul'ture 30–40-kh godov XIX veka [Formation of discourse of subjectivity in the Russian culture of the 30–40s of the 19th century]*. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i*

iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 10 (48) : in 3pts. Pt. II. Pp. 70–75. (In Russ.).

Kant, I. (1997) *Sochineniia na nemetskom i rusском iazykakh [Works in German and Russian languages]* : [in 4 vols.] Moscow : Moscow Philosophical Foundation. Vol. III: *Osnovopolozhenie k metafizike npravov. Kritika prakticheskogo razuma [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Kritik der praktischen Vernunft / Groundwork of the metaphysics of morals. Critique of practical reason]*. 784 p. (In Germ. and Russ.).

Kovaleva, A. I. (2008) *Sotsializatsiia [Socialization]*. In: *Sotsiologiia molodezhi [Sociology of youth]* : An encyclopedic dictionary / ed. by Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. Moscow : Academia Publ. 606 p. Pp. 442–445. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. (2018) *Sotsiologiia molodezhi: nauchnaia shkola Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Sociology of youth: The school of thought at Moscow University for the Humanities]* : in 2 pts. / A. I. Kovaleva, V. A. Lukov, V. A. Gnevasheva and S. V. Lukov. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. Pt. 2. 508 p. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. and Lukov, V. A. (1999) *Sotsiologiia molodezhi: teoreticheskie voprosy [Sociology of youth: Theoretical issues]*. Moscow : Sotsium Publ. 351 p. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. and Lukov, V. A. (2012) *Sotsializatsiia: sotsial'no-filosofskii, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty ponimaniia [Socialization: The socio-philosophical, sociological and socio-psychological aspects of understanding]*. *Filosofiia i kul'tura*, no. 3, pp. 27–35. (In Russ.).

Kovaleva, A. I., Lukov, V. A. and Perinskaia, N. A. (2016) *Sotsiologiia molodezhi: nauchnaia shkola Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Sociology of youth: The school of thought at Moscow University for the Humanities]* : in 2 pts. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. Pt. 1. 442 p. (In Russ.).

Kuznetsova, T. F. (2020) *Tsifrovoe obshchestvo, tsifrovaia kul'tura i gumanitarizatsiia vysshego obrazovaniia: tezaurusnyi podkhod [Digital society, digital culture and humanitarization of the higher education: The thesaurus approach]* : A research monograph. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. 192 p. (In Russ.).

Leskova, I. V. (2008) *Sotsializatsiia i inkul'turatsiia kak mekhanizmy formirovaniia identichnosti lichnosti [Socialisation and inculturation as mechanisms of personality identification]*. *Nauchnye vedomosti BelGU. Serii: Filosofiia. Sotsiologiia. Pravo*, no. 12 (52), pp. 19–24. (In Russ.).

Lukov, V. A. (1987) *Molodezhnoe dvizhenie v sotsialisticheskom obshchestve: Voprosy teorii i praktiki [Youth movement in a socialist society: Issues of theory and practice]*. Moscow : Molodaia gvardiia Publ. 222 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2010) *Molodezh' kak kontsept: k prodolzheniiu diskussii ob osnovaniakh teorii molodezhi* [Youth as a concept: Following up the discussion on the foundations of the theory of youth]. In: *Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury i obrazovaniia* [Current issues of the sociology of youth, culture and education] : Proceedings of the International conference : in 3 vols. / ed. by Yu. R. Vishnevskii. Yekaterinburg : Ural State Technical University — Ural Polytechnic Institute Publ. Vol. 2. 354 p. Pp. 156–160. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2014) *Tezaurusnyi podkhod i teoriia funktsional'nykh sistem* [Thesaurus approach and the theory of functional systems]. *Upravlenie megapoli-som*, no. 5 (41), pp. 7–17. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2017) *Razdelenie nauk o prirode i nauk o kul'ture v Badenskoii shkole neokantianstva i perspektivy issledovaniia molodezhi* [The separation of the sciences of nature and the sciences of culture in the Baden school of neo-Kantianism and the perspectives of youth studies]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, no. 5. pp. 3–16. [online] Available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/597> (accessed 10.02.2020). (In Russ.). DOI: [10.17805/ggz.2017.5.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.1)

Lukov, V. A. (2018) *Tezaurusnaia sotsiologiia* [Thesaurus sociology] : in 4 vols. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. Vol. 1. 608 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2019) *Sotsiokul'turnye osnovaniia sub"ektnosti rossiiskoi molodezhi (tezaurusnaia kontseptsiiia molodezhi)* [Sociocultural foundations of the Russian youth's subjectivity (Thesaurus conception of the youth)] : Abstract of the diss. ... Doctor of Sociology. Moscow. 42 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, V. I. A. (2008) *Tezaurusy: Sub"ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia* [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]. Moscow : The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, V. I. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniuu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: The thesaurus approach to the conceptualization of the person and his/her world]. Moscow : The National Institute of Business Publ. 640 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. and Lukov, S. V. (2020) *Tsifrovizatsiia v Rossii: chelovecheskoe izmerenie* [Digitization in Russia: Human dimension]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 92–100. DOI: [10.17805/zpu.2020.1.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2020.1.7)

Plotnikov, N. S. (2008) *Ot «individual'nosti» k «identichnosti» (istoriia poniatii personal'nosti v russkoi kul'ture)* [From “individuality” to “identity” (History of the concepts of personality in Russian culture)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (91), pp. 64–83. (In Russ.).

Herskovits, M. J. (1948a) *Man and his works: The science of cultural anthropology*. New York : Alfred A. Knopf. xviii, 678 p.

Herskovits, M. J. (1948b) The contribution of Afroamerican studies to Africanist research. *American Anthropologist*, new series, vol. 50, no. 1, pt. 1, pp. 1–10.

Greenberg, J. H. (1971) *Melville Jean Herskovits. 1895–1963: A biographical memoir*. Washington, D. C. : National Academy of Sciences. [65]–93 p. (Biographical memoirs, vol. 42, no. 4).

Submission date: 12.02.2020.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Социологического центра Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Sociological Center, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Луков Сергей Валерьевич — кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Социологического центра Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: sv-lukov@mail.ru

Lukov Sergey Valerievich, Candidate of Sociology, Chief Researcher, Sociological Center, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: sv-lukov@mail.ru

Для цитирования:

Луков В. А., Луков С. В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 3–20. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1159> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2020.1.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.1)